

М. А. ОРЛОВ

Учение Плотина о душе

(На основании сочинения его «О бессмертии души»)

Выразителем неоплатонизма в III веке по Р. Х. является Плотин, представитель александрийско-римской школы, которому принадлежит сочинение «О бессмертии души»¹.

Плотин твердо стоит в своем учении о душе на главных принципах платоновского учения: строгое разграничение природы души и тела, преимущество первой над последним, предсуществование душ, божественное происхождение души и потому ее бессмертие, — все эти принципы повторяет Плотин в своей философской системе. Сочинение его «О бессмертии души», строго говоря, в каждой строке своей напоминает нам мысли и взгляды Платона. Но оно является высшим развитием, полной систематизацией и довершением взглядов Платона. Характеристикой точки зрения Плотина служит то, что он дает глубокое решение вопроса, основанное на серьезном изучении природы души, почему и бессмертие получает в его философии то особенное значение, что является непосредственным выводом из этого изучения.

Этим объясняется и внешний прием изложения вопроса, доказательствам бессмертия души предшествует подробное и точное раскрытие природы души, соединенное с критикой установившихся мнений о душе и со строгим различением души и тела. У самого автора сочинение «О бессмертии души» имеет такой план изложения: 1) критика философских воззрений о душе и учение Плотина о различии души и тела, 2) его мнения о душе и доказательства ее бессмертия. Мнение Плотина о душе и доказательства бессмертия не разделяются мною, потому что они не разделяются у самого Плотина.

Плотин начинает определением человека как существа не простого, но состоящего из души и тела, которое присоединено к ней

как орган для нее *. Вследствие такой двойственности в природе человека он не может быть назван всецело бессмертным, т. е. и по телу, и по душе; но тело, только как орган души, должно быть таким органом для нее только на известное определенное время, а потому быть смертным, тогда как душа должна быть бессмертной **. Но, естественно, возникает вопрос: что же такое душа? почему она бессмертна, тогда как тело после смерти должно уничтожиться? Эти вопросы и разрешает Плотин подробным исследованием природы души. Останавливаясь на мнениях о душе философов, он подвергает критике учение о душе атомистов, стоиков, эпикурейцев, пифагорейцев. Против стоиков и эпикурейцев он возражает подробным доказательством того, что душа не есть материя ни в смысле подобного огню атома, ни в смысле огненного дыхания². Против пифагорейцев он возражает доказательством, что душа не есть гармония частей тела ***³. Против атомистов он возражает доказательством, что душа не есть ни какой-то атом или материальный элемент. Имея в виду учение атомистов, Плотин говорит: невозможно смешивать что бы то ни было материальное, телесное с тем, что называем мы душою. Какое тело, спрашивает Плотин, владеет жизнью само собою? Ведь все материальное, все, что считалось другими за начало бытия, например огонь, воздух, вода, земля⁴, — все это само по себе нечто бездушное, а если мы видим во всем этом какую-нибудь жизнь, то это — жизнь, привнесенная извне, жизнь пришедшая. Если же допустить, как делают атомисты, существование особых тел — атомов, элементов, то атомы эти, будучи материальными, не суть никаким образом души и не могут быть подобны душе, так как не имеют жизни в себе самих ****. Если же скажут, что жизнь есть продукт соединения, собрания, смешения всех этих атомов как элементов⁵, то и это абсурд; потому что уж решительно невозможно представить себе, чтобы соединение каких бы то ни было материальных частиц производило жизнь, которой в них никогда не было, чтобы эти материальные частицы могли каким-нибудь образом производить интеллектуальную, разумную природу, которой нет в них самих. Наоборот, само смешение, соединение и порядок этого соединения производится ничем иным, как именно душою, потому что материя никогда не может сама себя образовывать или сама собою производить для себя душу, кото-

* Plotini opera / Ed. Creuzer. Vol. II: Enn. IV. 844).

** Ibid., 845.

*** Ibid., 846.

**** Ibid.

рая, приходя извне к телам, всегда представляет собою начало высшей природы, так что без душевной силы не может просто-напросто образовываться какое-нибудь тело: все в природе течет, движется, изменяется, и все скоро исчезло бы, уничтожилось, если бы все было только телесно, бездушно*.

Обращаясь далее к стоикам и эпикурейцам, которые считали душу «*subtilissimum corpus*»⁶ в форме огненной или воздушной материи, Плотин дает ряд следующих возражений. 1) Если бы душа была телом, то ей необходимо было бы испытывать все свойственные телу состояния, т. е. быть теплой, холодной, твердой, мягкой, влажной, плотной, черной, белой и т. п.; а будучи такою, душа, очевидно, и другим телам должна была бы сообщать тоже что-нибудь одно: теплая — она должна была бы сообщать только тепло и т. д. Но ни перечисленных состояний тела нельзя приписать душе, ни того нельзя о ней сказать, чтобы она производила одни и те же состояния, так как в разных животных она производит разные состояния, равно как и в одном и том же существе она производит состояния противоположные**. 2) Если душа есть тело, то необходимо было бы ей иметь свойственное телу механическое однообразное движение, тогда как душа имеет совершенно отличные, разнообразные движения в силу разнообразия своих психических побуждений***. Это возражение Плотина напоминает нам взгляд Аристотеля на движение души⁷. 3) Если душа есть тело, то необходимо ей иметь, говорит Плотин, свойственный телу рост, чего душе, разумеется, приписать нельзя. Кроме того, если приписать этот физический рост душе, тогда материальные частицы должны входить в душу и исходить из нее, уступая место другим частицам, — и тогда не может быть в душе воспоминания и, следовательно, знания****. 4) Если душа есть тело, то не может быть единства сознания и невозможно будет объяснить ни факта ощущения, ни мышления, ни знания, ни добродетели, ни чувства прекрасного. В самом деле, ощущать должно всегда одно лицо, которое должно быть всегда одним и тем же, как субъект всякого восприятия; потому что не может же нос ощущать сам по себе одно, глаза сами по себе — другое; должен быть один субъект, к которому стекались бы все ощущения, один центр всех этих ощущений*****. Между тем, если мы сочтем,

* Ibid., 848.

** Ibid., 849.

*** Ibid., 850.

**** Ibid., 851.

***** Ibid., 853.

например, душу жидким или твердым телом, воспоминания быть не может: в душе как жидком теле восприятия должны были бы все сливаться, а в душе как твердом теле они должны будут стираться, причем будут исчезать старые образы *. Невозможность ощущения при предположении, что душа есть тело, Плотин показывает на примере. Он берет ощущение боли в пальце. Отчего, спрашивает он, душа как бы вся болит в это время, т. е. чувствует эту боль пальца? ** Если, говорит он, ответить, что это совершается посредством передачи ощущения (traductione), то в таком случае при этой передаче необходимо различным частям иметь различные ощущения; при этом главное, центральное ощущение не будет ощущением боли пальца, но будет иметь свое собственное содержание, свое специальное ощущение, совершенно не связанное с понятием о боли пальца ***. Потому-то, говорит Плотин, то, что ощущает, должно быть таким, чтобы везде оно было для самого себя одним и тем же (αὐτὸ ἑαυτῷ τὸ αὐτὸ εἶναι), а таким не может быть тело. Что касается этого опровержения Плотинином материалистического мнения о душе, то оно до настоящего времени имеет свою силу: и теперь, как известно, главный пункт возражения против материалистов — это принцип единства сознания, решительно необъяснимого по теории материализма. Далее, 5) мышление представляет собою акт, не нуждающийся в посредстве тела как органа, что опять говорит о том, что душа не есть тело ****. Известно, говорит Плотин, что душа мыслит о таких вещах, которые не имеют никаких материальных свойств: каким же, спрашивается, образом, будучи протяженною величиною, душа будет мыслить о том, что лишено протяжения и величины, и, будучи делимою, — о неделимых вещах? *****⁸ 6) Если душа есть тело, то каким образом возможны в ней свойственные ей добродетели, например благоразумие, справедливость, мужество и проч.? ^{6*} Принимая во внимание, что добродетель не рождается и не погибает, что она постоянна, вечна, очевидно, нельзя допустить, чтобы добродетель была телом ^{7*}, и потому и душа добродетельная никогда не может быть названа телом. 7) Душа не может быть телом, потому что функции души несоизмеримы с

* Ibid., 855.

** Ibid.

*** Ibid., 856.

**** Ibid., 857.

***** Ibid.

^{6*} Ibid.

^{7*} Ibid., 858.

функциями тела: душа лишена всякой количественности, которая, наоборот, свойственна всякому телу *; силы души вовсе не имеют такого количественного возрастания или уменьшения, которое было бы пропорционально приращению или уменьшению частей тела, в котором находятся эти силы **. 8) Если бы душа была телом, то, входя в действительное тело, она должна была бы смешиваться, соединяться, сливаться с ним, как происходит обыкновенно смешение всех других тел ⁹. Понятно притом, что подобное слияние было бы чисто механическим, основанным только на возможности соединения, а нисколько не на свободном акте души, и, таким образом, это соединение будет равно смешению горького со сладким, причем обыкновенно сладкое от горького пропадает, так что сладости не существует: так должна погибнуть и душа в этом смешении ***. Такие доводы представляет Плотин против мнения о душе как теле. Итак, душа не есть тело — вот положение, которое может утверждать Плотин после своих доводов.

Обращаясь далее к мнению пифагорейцев о душе как гармонии частей тела, Плотин отчасти повторяет те возражения, какие мы встречали уже у Платона. Душа не есть гармония, говорит Плотин: 1) гармония существует после своих частей, а душа существует прежде ****; 2) душа господствует над телом, управляет им, часто ведет борьбу с ним (*Μάχεται πολλὰχῆ*), тогда как гармония сама стоит в зависимости от частей, из которых состоит; 3) душа является сущностью, а гармония — нет, соединение же частей в теле по законам гармонии дает только здоровое состояние телу и больше ничего; 4) если, далее, в каждой отдельной части должно произойти это гармоническое соединение, то результатом такого рода соединений будет множественность душ *****; 5) прежде чем существует настоящая душа как гармония, должна существовать еще душа, другая гармония, производящая первую гармонию, как немислимы звуки гармонии без того музыканта, который бы произвел их ^{6*10}. Итак, душа не есть гармония — вот второе положение, к которому приходит Плотин. Изложенное исследование Плотина обнаруживает высокое развитие понятий о душе — понятий, основу которых мы находили

* Ibid., 859.

** Ibid.

*** Ibid., 860.

**** Ibid., 862.

***** Ibid., 863.

^{6*} Ibid.

в лице Сократа и Платона. Это строгое разделение души и тела сделалось глубоким философским убеждением и приобрело за себя доводы весьма основательные. Единство сознания, нравственные принципы, способность разума мыслить об идеальном мире, несоизмеримость психических процессов с физиологическими — все это основные понятия и современной психологической науки.

Давая свое определение души, Плотин тесно связывает со своим взглядом на душу и ее вечность, невозможность для нее смерти, конечности, прекращения существования. Но взгляд Плотина на душу, во многом напоминающий взгляд Платона¹¹, становится ясным, вполне естественным и необходимым именно после его тщательного исследования вопроса о душе. Что же такое душа по Плотину?

Отвечать на этот вопрос — значит представить первое, главное, доказательство Плотина в пользу бессмертия души. Необходимо, говорит Плотин, душе быть другой природы, помимо телесной. Душа по природе есть то, что существует само чрез себя (ἡ παρ' αὐτῆς ἔχουσα τὸ εἶναι), что, как истинно сущее, не происходит и не уничтожается (ὃ οὐτε γίγνεται οὐτε ἀπόλλυται), что, наоборот, спасает и сохраняет собою * все живущее. Душа по природе — начало движения; она производит во всем остальном движение, сама не заимствуя движения для себя ниоткуда извне, и дает жизнь бездушному телу **; так как нельзя идти в бесконечность существованию без начала и конца, но должна быть какая-нибудь природа, которая существовала бы изначала (πρώτως ζῶσαν εἶναι, т. е. φύσιν) ***. Эта-то природа души должна быть по необходимости недоступна гибели и бессмертна (ἦν ἀνύλεθρον καὶ ἀθάνατον εἶναι δεῖ ἐξ ἀνάγκης) ****. Понятно, что такая природа свойственна только всему божественному и блаженному, живущему чрез себя и существующему изначала, чуждому по своей сущности всякой перемены, не происходящему, не уничтожающемуся (да и откуда оно может произойти и во что может уничтожиться?) *****. Как белый цвет сам по себе всегда бел, а не то что иногда бел, а иногда не бел, так и существующая сама по себе и изначала душа всегда будет существовать^{6*}. Такая природа, как природа

* Ibid., 863.

** Ibid.

*** Ibid., 864.

**** Ibid.

***** Ibid.

^{6*} Ibid.

души, поэтому не мертва, как камень или дерево, но должна жить вечно и пользоваться абсолютной и чистой жизнью*.

Таково первое, и главное, доказательство Плотина. Построено оно, очевидно, на раскрытии природы души — природы, которая сама по себе уничтожиться неспособна, бессмертна. Потому-то ведь аргументы такого рода, как приведенный аргумент Плотина, так непосредственны, ясны. Кто, говорит поэтому сам Плотин, не потерявший здравого смысла, станет сомневаться в своем бессмертии, если ему присуща жизнь сама по себе, которая неспособна уничтожиться? ** Жизнь души совсем не такова, как жизнь материи, к которой жизнь только приводится извне; жизнь души есть самая сущность, имеющая жизнь именно сама по себе и потому бессмертная***. Душа, по определению Плотина, приносит жизнь материи, а потому невозможно ей, приносящей жизнь, изменить свою природу, принять что-нибудь противное своей природе; душа должна быть одним и тем же — жизнью****. Эта мысль представляет полную копию доказательства бессмертия в «Федоне» Платона¹² и содержит в себе указание на одно из существенных свойств души. Таким же существенным свойством души является, по Плотину, как и по Платону, божественность ее — потому-то так заботливо устраняет Плотин все сомнения насчет божественной природы души. Нам известно, говорит он, что все божественное, истинно сущее пользуется жизнью добродетельною и разумною. Но, чтобы сказать о душе, какая жизнь свойственна ей, нужно наблюдать душу не в том состоянии, когда она погружена в тело и исполнена его неразумных желаний, чувствований и страстей, а нужно брать ее в том состоянии, когда, оставив все это, она прерывает всякое общение с телом (кроме случаев крайней необходимости). При таком взгляде на душу мы ясно увидим, что пороки и зло суть не что иное, как нечто уже навязанное душе, навеянное на нее посторонним влиянием; тогда как душе, очистившей себя от этого влияния, изолированной, присуще только прекрасное, только мудрость и добродетель. Если же теперь всякий раз, как душа обращается в себя самое, она является такою, то как же не причислить нам ее к природе божественной и вечной? Так как мудрость и добродетель суть божественные свойства, то они, конечно, не могут быть сродны смертной природе, а необходимо сродны природе божествен-

* Ibid.

** Ibid., 867.

*** Ibid.

**** Ibid., 868.

ной *. Потому-то, если б все люди так погрузились в истинную природу души своей, то никто не оказался бы не верующим в то, что природа души нашей бессмертна. Теперь же, когда люди видят свою душу погрязшей в пороке, нисколько не удивительно, если они не считают ее ни божественною, ни бессмертною. Нужно созерцать душу в ее чистоте и изолированности; потому что то, что присоединено, примешано, всегда препятствует познанию истинной природы **. Итак, исследуй душу, отбросив от нее все чуждое ее природе, — и тогда каждый увидит себя бессмертным, обитающим в мире разумном, чистом, лишенном примеси; тогда каждый увидит себя созерцающим не что-либо чувственное, не что-либо из сферы этого смертного мира, но истинно вечное; тогда свет истины просветит каждого; тогда такому духу будет прилично сказать: «Прощайте! Я, бессмертный, иду к миру божественному, я всецело погружен в уподобление божественной природе!» *** Тогда-то, при такой чистоте души, откроются пред нами сокровенные знания, которые суть истинные знания, тогда же откроется пред нами справедливость, тогда душа увидит в глубине себя самой как бы погруженные божественные образы... С душою будет то, что было бы с золотом, если б оно было одушевлено: погруженное в землю, не видя себя в чистоте, оно и не узнает себя как золото; но, вынутое из земли и взглянув на себя во всей чистоте, оно узнает себя и видит, что для всей красоты и блеска ему не нужно постороннего вмешательства... **** Так горячо отстаивает Плотин божественность природы нашей души. Мы видим, какое широкое и подробное раскрытие природы души дает Плотин, непосредственно заключая на основании этой природы о бессмертии ее. Доказав, что душа не телесной природы, он опре-

* Ibid., 869.

** Это повторение мысли Сократа («Федон» Платона) находим мы и у другого новоплатоника, представителя сирийской школы, Ямвлиха: «Тело, — говорит Ямвлих, — доставляет нам бесчисленные препятствия в деле исследования своим необходимым питанием; кроме того, болезни мешают нам исследовать истину, тело же наполняет нас любовью, страстями, страхом, призраками» (Ἰάμβλιχου λόγος πρὸς τρεῖς εἰς φίλος / Ed. M. Th. Kiessling. MDCCCXIII. Гл. XIII. 184). Или в другом месте: «Душа гораздо лучше познает сущее без участия тела, в чувствах которого нет истины. Это ясно из рассмотрения идей. Справедливого самого в себе, прекрасного и доброго никто не видел глазами, не воспринял и другим каким-либо чувством; но тот, кто себя надлежащим образом приготовил, чтобы как можно тщательнее созерцать умом, тот приближается к познанию вещей» (Ibid. Гл. XIII. 180).

*** Plotini opera. Vol. II: Enn. IV, 866.

**** Ibid., 867.

деляет душу как божественное, жизненное и потому бессмертное начало в человеке *. Это доказательство бессмертия, по Плотину, я считаю возможным выразить в следующем прогрессивном сорите ¹³:

Душа не есть тело и потому существует сама чрез себя;

Что существует само чрез себя, то в самом себе имеет начало жизни;

Что в самом себе имеет начало жизни, то существует изначала;

Что существует изначала, то не происходит, не уничтожается;

Что не происходит, не уничтожается, то есть и начало движения;

Что есть начало движения, то производит движение во всем остальном;

Что производит движение во всем, то спасает и сохраняет все сущее;

Что спасает и сохраняет все сущее, то божественной природы;

Что божественной природы, то бессмертно;

Следовательно, душа бессмертна.

Но, кроме этого — главного и важнейшего аргумента бессмертия, который построен на чисто платоновских основаниях **, но проверенных и передуманных Плотинном посредством глубокого изучения природы души, Плотин дает несколько второстепенных доказательств: 1) если сказать, что всякая душа смертна, подвержена погибели, тогда они все давно должны были бы погибнуть ***;

* Так же говорит о божественной природе души и Ямвлих: «Ничто, — говорит он, — в человеке не причастно божественному или блаженному, кроме разумной души нашей: только она одна бессмертна и божественна. И потому-то, хотя жизнь наша несчастна и по природе тягостна, однако уже то, что мы можем обладать разумом своей души, наполняет нашу жизнь такою радостью, что человек кажется богом в сравнении с другими животными» (Ἰάμβλ. Op. cit. VIII. 136).

** В том же платоновском духе смотрит на бессмертие и Ямвлих: «Смерть, — говорит он, — есть не что иное, как отделение души от тела, а умереть — значит только, что тело, отделившись от души, существует само по себе, а душа, отделившись от него, — сама по себе. И если это так, то, по всей справедливости, философу не свойственно гнаться в жизни за такими удовольствиями, как, например, пища, питье» (Ibid. XIII. 176). Или: «Душа философа, — говорит Ямвлих, — следуя разуму и всегдашним пребыванием в нем созерцая истинное и божественное, имеет в виду, что после смерти (тела) она отправится в сродную и подобную себе обитель, где уже она будет свободна от человеческих зол и бедствий» (Ibid. XIII. 204).

*** Plotini opera. Vol. II: Enn. IV. 868.

2) если сказать, что одна душа подвержена погибели, другая — нет, например всеобщая мировая душа бессмертна, а наша — нет, то, спрашивается, какое различие между душами? И та и другая душа представляют начало движения, и каждая из них живет сама по себе, и та и другая имеют одну и ту же цель — размышление о том, что на небе, что над небом и т. д. до первопричины *. Кроме того, 3) если душа сама собою имеет способность внутреннего созерцания, например воспоминания, то, значит, она жила ранее тела, и, так как она пользуется знаниями вечного, то и сама она должна быть вечною **. Эта мысль представляет копию доказательства, изложенного в «Меноне» Платона¹⁴. 4) Разложиться, разрушиться может ведь вещь только при том условии, что она ранее образовалась, составила, сложилась; но душа по природе проста и по природе существует, а потому погнубить не может ***. Это доказательство, основанное на простоте души. 5) Если сказать, что душа, будучи рассеянной, разделенной на части, погнубнет, то душа не может опять разделяться или рассеиваться, так как она не есть масса, не есть что-нибудь количественное ****. 6) Не может душа погнубнуть посредством метаморфозы, потому что метаморфоза, превращение, может изменить только форму существования вещи, а не саму вещь *****. Наконец, 7) исторические факты убеждают нас в бессмертии: боги возвещали чрез оракулов, чтобы были прощены обиды или оскорбления душам умерших, причем предполагалось, что умершие существуют; те же боги через оракулов возвещали, чтобы душам умерших воздавали заслуженную честь, причем предполагалось, что умершие чувствуют это, а следовательно, опять же они существуют; далее, многие души, жившие прежде среди людей, по отделении своем от тела не перестают оказывать благодеяния роду человеческому, причем, следовательно, опять же они существуют^{6*}.

Такую систему доказательств дает в своем сочинении Плотин. Но, естественно, возникал вопрос: каким же образом душа, божественная сущность, соединяется с худшей природой и встречает в последней только препятствие в достижении высшего идеала? Не есть ли это признак погнубели души? Плотин отвечает на

* Ibid.

** Ibid.

*** Ibid.

**** Ibid.

***** Ibid.

^{6*} Ibid., 871.

это, что соединение души с телом составляет далеко не пункт ее гибели, а только пункт ее возрождения для своего первоначального существования *. Это — обыкновенный взгляд на тело как место исправления души, возрождения ее. Та же мысль выражена Ямвлихом, когда он говорит: «Я не удивляюсь, что Еврипид сказал истину, что жизнь есть смерть, а смерть — жизнь. И мы теперь поистине умерли, и тело для нас — гробница» **. Взгляд на тело как на темницу, или гробницу, для души (σῶμα и σῆμα), как на место ее раскаяния, распространен в системах новоплатонизма... Еще один вопрос: какова же отдаленная судьба души по Плотину? Отделившись от тела, отвечает Плотин, душа не может, разумеется, существовать там, где нет ничего сродного ей и по самой природе способного принять ее, а отправляется туда, где она естественно может продолжать свою жизнь. Но так как места для посмертной жизни души различны и это различие соответствует поведению души в жизни, то она, по закону справедливости и по определению суда над нею, отправляется в соответственное место. Никто в этом отношении не может избежать того, что должен претерпеть он за неправедные дела в жизни. Божественный закон неизбежен; он в себе самом содержит и силу исполнения приговора. Говорят, что сам виновный человек, не зная того, какая назначена ему судьба, сам по себе как бы добровольно попадает в приличное для своих страданий место. Но божественный закон определяет, сколько и до какого времени должен страдать этот несчастный: в конце концов можно получить прощение, искупление вины и возможность выйти из мест мучения. Но мучения свойственны только душам, имеющим тело, тогда как чистые души, ничего телесного не приносящие с собою в ту жизнь, наслаждаются жизнью с богами, живут в боге...

Плотин сохранил во всей силе принципы Платона, но, идя по пути Платона, он еще глубже старался понять вопрос о бессмертии, поставив его в нераздельную связь с вопросом о природе души вообще: я хотел показать именно то, что доказать бессмертие по Плотину — значило только дать понятие о душе, определить ее природу. И Плотин остается верен своей задаче: природа души раскрыта им с должною полнотою, с серьезным критическим взглядом на вопрос, хотя вопрос о бессмертии разработан в сочинении далеко уже не так строго критически ¹⁵.

* Ibid., 864.

** Iᾱμβλ. Op. cit. XVII. 246.